

Влад Николаев

Месть дней

Влад Николаев

Шесть дней

«Издательские решения»

Николаев В.

Шесть дней / В. Николаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833757-4

Шесть дней. Сборник рассказов и повестей, мало похожих друг на друга и охватывающих огромный период времени. Мистика и детектив, история и наше время. От современной Англии и Италии до Российской Империи и Европы XIX века. Их связывает только одно — все они, так или иначе, основаны на реальных, полных мистики и тайн, событиях.

ISBN 978-5-44-833757-4

© Николаев В.
© Издательские решения

Содержание

Баккара, или Ордукалеси	6
Награда, или Эйлау	14
Красивая сказка, или Не каждому дано	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Шесть дней

Влад Николаев

© Влад Николаев, 2016

ISBN 978-5-4483-3757-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Баккара, или Ордукалеси

Дуэль.

Будучи, как и все, молодым, и, как немногие, вспыльчивым, мне часто приходилось участвовать в дуэлях. Сражаться со шпагой в руках, стреляться на пистолетах, быть секундантом, распорядителем и даже врачом. В основном, дуэль кончалась с первой каплей крови, в редких случаях – доходила до смерти. Бывало, что вместо оружия брались за бокалы, полные вина, и тогда спор продолжался за столом, а первый, упавший без чувств, объявлялся проигравшим.

Я видел многое, но, напрягая дырявую старческую память, понимаю, что одна дуэль стоит среди всех особняком. Дуэль, которую я вспоминаю почти каждый день, и при этом слезы наворачиваются на глаза неизменно. Дуэль, удивительная не столько местом проведения, сколько ее участниками.

Баккара

– Эти чертовы французы – удивительные люди! – засмеялся Байковский, капитан Троцкого мушкетерского полка, и сгреб со стола десяток золотых монет. – Они совершенно не умеют играть в карты, но делают это и проигрывают несметные богатства! Какой дурак сказал, что баккара – французская игра?!

– Перестаньте, капитан! – махнул рукой явно недовольный проигрышем граф Ланжерон. – Я, например, не больше француз, чем вы.

– Однако я не вожу с собой на войну целое состояние, – возразил тот.

– Проверим ваши сапоги? Уверен, там найдется много чего интересного, – намекнул Ланжерон на то, что многие офицеры, не говоря о солдатах, хранили сбережения в обуви.

– Не советовал бы снимать с меня сапоги. Я не мылся два проклятых месяца! – захохотал Байковский. – А все, что там есть, все благодаря вам, Александр Федорович. Благодаря вам! – он залпом осушил бокал вина. Сощурившись, посмотрел сквозь стекло на пламя свечи. – Но, все же, дорогой посуды я в ранце не имею.

– Немного терпения, мой друг, и к утру у вас будет отменный набор, если нам так и не начнет идти карта, – кисло улыбнулся молодой граф и наполнил бокал.

Байковский вытер тыльной стороной ладони мокрый ус.

– Вино я могу и с бутылки выпить. А вот золотые часы, на которые вы постоянно поглядываете, вполне могут мне пригодиться. Говорят, в три ночи – штурм. Боюсь проспать.

Ланжерон сжал тонкие губы. И без того худое лицо графа еще больше заострилось.

Я, перетасовывая толстую колоду карт, с интересом наблюдал за разговором французского аристократа и моего друга, капитана Байковского.

Прошло больше двух лет с тех пор, как я в последний раз виделся с товарищем. Мы вместе начинали служить в Ингерманландском гренадерском, вместе получали новые чины, вместе воевали. Однако пуля досталась лишь мне. В славной битве при Рымнике, когда, казалось, враг повержен и бежит без оглядки, какой-то турок, видимо со страху, выстрелил в меня с расстояния меньше десяти шагов. Не знаю, убили ли негодяя гренадеры, но я остался жив только чудом. Однако провалялся в госпитале, а затем и в собственном имении, больше года.

Когда я окреп настолько, что мог опять приступить к службе в армии, выяснилось, что мой полк стал частью Фанагорийского гренадерского, а сам я в чине поручика вновь попал под начало великолепного Суворова. Что сказать? Целебный бальзам на мое израненное тело и не менее измученную душу!

Что до Байковского, то все, что удалось узнать, это то, что мой друг продолжает сражаться с турками, получив чин капитана в неизвестном мне полку. Попытки разыскать его оказались безуспешны, да и не настойчивы, если быть честным. Шла война, России нужны были храбрые люди, и я с головой ушел в службу, в поисках друга положившись на волю Господа.

Хвала Ему, Он не подвел! Суворов в срочном порядке был призван спасти честь армии. Непобедимому полководцу надлежало взять неприступный Измаил. Ордукалеси – как гордо называли крепость турки, – можно было захватить, только полагаясь на Бога! И именно под ее стенами я встретил старого друга.

Друга, с которым в этот вечер, накануне штурма, был приглашен к графу Ланжерону. Безобидная затея – выпить вина и поиграть в карты, – для французской аристократии обернулась кошмаром. Байковский выигрывал партию за партией легко и непринужденно, все больше погружая в уныние графа Ланжерона, герцога Фронсака, графа де Дама, австрийского полковника, и нескольких волонтеров.

Мы сидели в палатке, тускло освещенной несколькими свечами. Снаружи дул промозглый ветер, неся с собой капли дождя, и в углу на земле образовалась лужа, то и дело пополняемая из дыры в ткани. Но внутри было достаточно тепло, во многом благодаря изысканному вину – откуда оно только взялось?

– Часы, – повторил Байковский. – Ваши часы, Александр Федорович, против всего моего выигрыша. Рискнете?

Ланжерону явно не хотелось расставаться с часами. Еще меньше ему хотелось оставаться с пустым карманом. Нерешительно бросив взгляд на часы, граф глотнул вина. Алкоголь никогда еще не давал дельных советов. Не сделал этого он и сейчас – Ланжерон медленно потянул цепочку часов.

– Я бы добавил к ставке «Любви к Отечеству», но боюсь, они, черти, насквозь прогнили в моих портках, – подзуживал, смеясь, Байковский.

– Играем, – Ланжерон бережно опустил золотые часы на стол, кивнул мне. – Сдавайте, поручик.

– Тимирязев, счастливые ты мои руки! Не спугни удачу! – Байковский, довольный, что убедил графа, весело подмигнул.

Долгой игра не получилась. Мой друг, получив карты, засмеялся и тут же вскрылся. Король и девятка – беспроигрышный вариант!

– Проклятье! – Ланжерон запустил бокал в угол палатки. – Вам чертовски везет сегодня, капитан!

– Фортуна – моя любовница, Александр Федорович. Я должен был вас предупредить.

Граф оттянул красный воротник мундира, пытаясь глубже вдохнуть, встал и нервно заходил по палатке.

– Часы – это фамильная драгоценность, капитан, – заступился за него герцог Фронсак. – Будьте милосердны, верните их.

– Перестаньте! – гордо вскинул руку Ланжерон. – Мне не в чем упрекнуть капитана, все по чести.

– Я могу уступить вам их, граф, – откликнулся Байковский. – Еще одна партия. Последняя.

– Нет. Вы обобрали меня до нитки. Я – пас.

– Отдадите завтра вечером. После штурма деньги появятся в карманах у всех.

– Завтра вечером мы все, возможно, будем кормить червей, – грустно улыбнулся граф.

– Не сгущайте краски, Александр Федорович, не все так плохо!

– А вы, капитан, все видите в радужном цвете, – медленно проговорил де Линь, австрийский полковник. За этот вечер он сказал едва пару слов, поэтому после произнесенной фразы все удивленно замолчали. А де Линь, обеда присутствующих усталым взглядом, продолжил: –

Крепость вряд ли удастся взять. Как инженер, могу вас уверить – она неприступна. Ее укрепляли французы, а это многое значит. Мы потеряем под стенами половину армии, но вряд ли возьмем хоть одни ворота.

Надо признаться, что по спине у меня пробежал холодок. Хмурый полковник нарисовал нам невеселую перспективу, а завывания ветра снаружи придавали его словам мрачности.

– Ваши расчеты, полковник, вызывают зевоту. Сколько угодно можете мерить толщину стен, но мы на них взберемся, – казалось, только на никогда не унывающего Байковского заверения де Линя не произвели впечатления. – Могу поспорить, что завтра мы с вами будем ужинать в Измаиле, причем из всей нашей компании не досчитаемся всего троих человек.

– С чего вы это взяли? – фыркнул герцог Фронсак.

Мой друг пренебрежительно отмахнулся от него рукой.

– В крепости тридцать тысяч турок. У нас столько же, если считать гренадер Тимирязева, – кивнул он в мою сторону. – Один русский солдат стоит троих проклятых янычаров, прикрытых вдобавок стенами Измаила. Чертова крепость падет. Это так же верно, как то, что я выиграл золотые часы. А трое из нас не доживут до вечера.

– Весьма странные умозаключения, – Ланжерон, наконец, остановился.

– Не верите, граф? Поразительно, но я верю. Верю настолько, что готов поставить свою жизнь на кон.

– Вы не в своем уме! – Александр Федорович явно занервничал. Он вновь заходил по палатке, теребя при этом пальцами пуговицу мундира.

– Не волнуйтесь, граф, это всего лишь игра! Выиграю я, значит, вы завтра погибнете, а часы остаются при мне. Побеждаете вы, я иду на корм червям, трофей – ваш.

– Вы поистине безумны! – проговорил де Линь.

– Отнюдь, полковник, – повернулся к нему Байковский. – Среди нас находятся еще два мертвеца. Сыграете, узнаем вашу судьбу. Участвуете?

– Русский дурак сказал глупость, а мне играть? Извольте! – Де Линь поспешно встал из-за стола.

Байковский громко засмеялся:

– Хорошо, полковник, вы выживете. А русский дурак тем временем возьмет крепость!

– Вы играете с огнем, капитан! – Ланжерон сел напротив него.

– Я просто чертовски замерз в этой проклятой стране! Так что немного огоньку не помешает. – Мой друг глотнул вина. – Играем?

– Поручик, раздайте карты, – не сводя глаз с капитана, произнес граф.

Спорить с Байковским не было смысла. Он часто искушал судьбу, и делал это с улыбкой на губах. Смерти не боялся, хоть и не раз был на волосок от гибели. Переубедить его в чем-то не представлялось возможным. Поэтому мне оставалось только тщательнее перетасовать колоду.

Желающих сыграть с графом и капитаном не оказалось. Солдат суеверен по сути, и в преддверии сражения искушать судьбу никому не хотелось. Так что я раздал карты лишь двум умалишенным.

Все встали вокруг нас и с волнением наблюдали за игрой. Когда на кону стоит нечто большее, чем деньги, интерес к происходящему вырастает в разы.

Граф попросил еще карту. Мои руки дрожали больше, чем руки игроков, когда я выполнял просьбу.

Ланжерон взглянул на получившийся набор и впервые за вечер улыбнулся.

– Похоже, я завтра выживу, господа, – карты одна за другой легли на стол.

Туз, валет и девятка – двадцать девять очков! Перебить такое вряд ли удастся даже везунчику Байковскому.

– Тимирязев, кто тебя сглазил? – засмеялся мой друг. – Ты мне накидал одних крестов!

Он также вскрылся, и мы увидели шестерку, даму и туза. Все крестовой масти!

Мне стало не по себе. Не столько от проигрыша друга, сколько от вида крестов на лощеной бумаге. Учитывая то, что стояло на кону, выглядело это достаточно зловеще.

– Двадцать шесть очков, Александр Федорович, – констатировал Байковский. – Я проиграл. Так что завтра, после взятия крепости, вы получите свои часы.

– Если вы погибнете, – уточнил Ланжерон.

– Безусловно, если погибну. Как и еще двое из нас. Помните?

– Да, вы достаточно ясно изъяснялись, – нахмурился де Линь.

– Что ж, думаю, нам всем пора отдохнуть. – Байковский с неизменной улыбкой на губах встал и поднял бокал. – Пусть земля будет нам пухом!

* * *

– Ты не в своем уме!

Мы шли с Байковским по лагерю. Дождь перестал, утих и ветер. Свет частых костров хоть немного разгонял давящую на плечи темноту. В нескольких верстах чернел Измаил. Непреступная громада, которую надлежало взять, во что бы то ни стало! И под ее стенами должен был произойти последний акт разыгравшейся в палатке Ланжерона трагедии.

– Почему? – Байковский старался говорить весело, однако в его голосе мне послышалась грусть.

– Ты устроил дуэль с самой смертью!

– Дуэль со смертью? Тимирязев, чертов ты поэт! – хохотнул мой друг. – Только ты мог такое сказать! Хорошо, пусть будет дуэль со смертью. Я все равно выйду победителем в этом поединке. А костлявая стерва пусть меня сторонится.

– Откуда такая уверенность?

Байковский остановился, посмотрел на редкие огни, освещавшие крепость.

– Помнишь цыганку, к которой мы бегали на учебе в Москве? – спросил он.

– Кривоногая шлюха? – я мысленно поблагодарил ночную тьму, скрывающую румянец на моих щеках.

– Она самая, Флорика. Как есть кривоногая шлюха, дай ей Бог здоровья! Чертовка умела многое, да и цену не ломала, – Байковский довольно улыбнулся нахлынувшим воспоминаниям о днях молодости. – Но я к ней бегал не только, чтобы юбку задрать. Флорика гадала мне. И сказала, как я умру.

– О, Господи! – вскинул я руки. – Ты в это веришь?

– Конечно. Однажды она обмолвилась, что меня вызовут на дуэль, за неделю до того, как это произошло.

– Весомый аргумент! Да ты дрался на дуэлях чуть не каждый день. Сложно было промахнуться! И что же она тебе предсказала?

– Что я погибну в бою. От руки русского солдата.

– Это невозможно! – недоверчиво покосился я в сторону костров, за которыми, тихо переговариваясь и смеясь, сидели казаки, гренадеры, мушкетеры.

– Ты прав, мой друг! Это невозможно, пока мы сражаемся с турками. Поэтому я и поставил на кон жизнь. И поэтому именно я выиграю дуэль со смертью!

– Ты не исправим, – поневоле улыбка тронула мои губы.

Байковский достал выигранные в этот вечер часы.

– Совершенно верно! И не вижу причин, чтобы меняться. Кстати, у нас есть немного времени, чтобы вздремнуть. Советую это сделать. День будет длинным.

Я кивнул и еще раз посмотрел на стены крепости. Крепости, которую Суворов поклялся взять, хоть это было и невозможно. Крепости, одним своим видом внушавшей трепет и застав-

лявшей сомневаться в собственных силах. Крепости, под завязку забитой турками. «Армейской крепости». Ордукалеси.

Ордукалеси

– А ну тише, окаянные. Или так пройдуся по спинам, что сам черт милей меня покажется, – разнесся грозный окрик над колоннами.

– Да после тебя черт уже нам родней матери, – донеслось из стройных рядов.

Солдаты зашлись в тихом смехе. Сержант окинул их убийственным взглядом, но не проронил ни слова. Хорошее настроение перед штурмом – залог успеха!

Только что в темноту взмыла сигнальная ракета, и армия, стараясь не производить шума, двинулась к крепости. Апшеронские стрелки шли в голове колонны. Управляемая генерал-майором Львовым, она должна была захватить Бросские ворота. Выполнить эту задачу выпало Троицкому мушкетерскому полку Байковского и моему Фанагорийскому гренадерскому. Целью апшеронцев было прикрытие наших голов при штурме.

Густой туман опустился на землю, и солдаты, согнувшись под тяжестью фашинов и лестниц, в полной тишине, словно призраки, исчезли в нем.

Идти пришлось довольно долго. Грязь комьями налипала на обувь, отчего марш превратился в сплошное мучение. То и дело кто-то оступался, припадал на колени. Ругань, произнесенная вполголоса, слышалась отовсюду. Я и сам не раз не слишком вежливо отозвался о местном ландшафте. Но брошенная по рядам фраза «Валы впереди» разом заставила забыть о тяжелом переходе. Мы достигли глубокого рва, враг не заметил опасности, и штурм вот-вот должен был начаться.

– Вперед! – услышал я, и полторы сотни стрелков побежали к стенам крепости.

В тот же момент десятки вспышек озарили укрытый туманом Измаил. Следом нашего слуха достиг невообразимый грохот. Нападение, увы, не стало неожиданностью! Пушки, не прерываясь ни на секунду, осыпали ров снарядами, а несчастные стрелки, вопреки всему, расположились вдоль него и открыли ответный огонь. Более скрываться и молчать не было смысла. Батальоны мушкетеров и гренадер, надрывая глотки, бросились в наступление.

Фашины уже не казались такими тяжелыми, а грязь и вовсе перестала липнуть к подошве. Проклиная турецкого солдата, турецкого пашу, турецкую погоду и турецкую мать, солдаты подбегали ко рву, кидали вязанки по две в ряд, и так же быстро пересекали его. Дождь, не прекращавшийся несколько дней до этого, не шел ни в какое сравнение с ливнем, устроенным крепостной артиллерией. Казалось, выжить во рву невозможно! Два или три снаряда угодили в одну фашину. Грязь, вода, прутья, кровь полетели во все стороны. На моих глазах троих мушкетеров разорвало в клочья. Страх проник в сердце, но крепкий мат не дал ему превратиться в панику. Впереди я заметил спину капитана Байковского. Он уже перебрался через ров и, стоя у каменного палисада, связывал две лестницы в одну. На первом этапе смерть отступила от него. Возможно, потому, что целей в это мгновение было предостаточно. Стать одной из них желания у меня не возникало, а для этого требовалось как можно быстрее пересечь ров, полный воды, грязи и ужаса.

– Быстрее, ребята! Шевелите задницами! – громкий голос капрала с легкостью перекрывал грохот пушек. Командой это сложно было назвать, но другого в тот момент и не требовалось.

Я подбежал к четверым фанагорийцам, несущим фашину, и мы кинулись ко рву мимо орущего капрала. Он подбадривал и материл солдат до тех пор, пока в нескольких шагах от него не разорвался снаряд, отбросив несчастного, как тряпичную куклу, на спину и оторвав ему ногу. Вместо громкого крика капрал издал тонкий визг и схватился за кровавый обрубок.

– Твари! – выпалил я, фашина упала в ров, и, не поднимая головы, мы понеслись сквозь огненный дождь, устроенный турками.

Дым от орудий смешался с туманом, прикрыв низину непроницаемой для глаз завесой. Однако это мало помогало! Так же бесполезны были и ружья стрелков, направленные на осажденных вслепую.

Я бежал по вязанке и ругался так, как не ругался никогда. Возможно, это и спасло мне жизнь в тот момент, а смерть решила выбрать более покладистую жертву. Двух grenадер передо мной просто снесло с вязанок ядром, обрызгав меня кровью и внутренностями.

– Твою мать!

Чьи-то руки подтолкнули к палисаду. За каменной стеной пушечный ураган не так страшен. Я перевел дух, крепче сжал саблю и, стараясь не обращать внимания на десятки трупов у подножия палисада, перебрался через него.

Чтобы увидеть еще один ров. Поменьше первого, но от этого не ставший более безопасным. Находясь у самых Бросских ворот, он, заливаемый картечным огнем, превратился в ад. Спасения, казалось, не было. Солдаты падали один за другим, живые прятались за мертвыми, но пересекали его. И несколько десятков grenадер и мушкетеров уже бежали к крепости. Среди них я с радостью узнал Байковского. Вот уж кому сам черт не страшен! Он размахивал саблей и что-то дико орал. А навстречу ему из распахнутых ворот летело несколько сот турок. Отчаянный шаг! Видимо, паша испугался напора русских солдат и решил вылазкой отбросить их подальше.

Картечный огонь утих, и я, как и многие другие, вскинул оружие и помчался на приступ.

Рукопашная схватка – стихия grenадеров! Туркам пора бы уже привыкнуть к этому за время компании. Но они, как безумные, раз за разом в каждой баталии пытаются опрокинуть русских богатырей. И, как всегда, у них ничего не получается! Битва у Бросских ворот не стала исключением.

Grenадеры, число которых стремительно пополнялось – через палисад перебиралось все больше солдат, – не дрогнули под турецким натиском, удержали занятую позицию и, шаг за шагом, стали теснить врага к воротам.

Я, заговоривший с началом штурма, словно старый конюх в родном имении, совсем забыл об остатках благородства. Плевков в лицо противнику и удар коленом в пах оказались действенным средством в той толчее, в какой мы очутились во втором рву. Два великана grenадера прикрывали меня с боков, я же ловко орудовал саблей.

Взмахнул рукой, и бородатый турок с рассеченным лицом упал под ноги. Переступил через мертвое тело, отвел удар очередного басурманина, которого тут же пронзил grenадерский штык. Оттолкнул убитого ногой, вскинул руку навстречу кривому клинку, увернулся от кинжала, а нападавший рухнул на колени с перебитым прикладом носом. Смерть тут же настигла раненого турка, а мы еще на шаг приблизились к воротам.

Фанагорийцы были неустойчивы, и враг побежал!

– Тимирязев, друг мой! Турок прогибается! – Услышал я совсем рядом и с радостью узнал голос Байковского. Мой товарищ с ног до головы был перепачкан грязью и кровью. Но лицо его сияло от удовлетворения. Он обернулся и закричал, указывая рукой на ворота. – Как я и говорил! Вечером, сегодня вечером ужинаем в крепости! А смерть со своей дуэлью пусть идет ко всем чертям! Она проиграла, костлявая стерва!

Только я собрался подтвердить его слова, как в нескольких шагах от нас упала граната. Взрыв – и грязь с осколками камня полетела во все стороны. Байковский упал, я присел на колени. Мимо пробежали несколько grenадер.

– Ты жив? – поднимая голову, окликнул я друга.

– Да, черт возьми!

Байковский лежал на спине, держась за бок. Лицо его исказила гримаса боли.

– Гранаты! Сволочи! – простонал он. – Не могут драться, решили забросать гранатами?

Я подбежал к другу, впопыхах стал расстегивать на нем грязный мундир с рубашкой, чтобы осмотреть рану. Руки не слушались, дрожали, а в голову упорно лезла глупая мысль: «Неужели простая игра в карты и необдуманый разговор могут стоить жизни?!»

– Тимирязев, все в порядке, друг! – Байковский пересилил себя и улыбнулся. Бодрости духа ему не занимать! – Царапина, не больше!

Мне, наконец, удалось распахнуть мундир. На боку друга красовался огромный кровоподтек. Не царапина, но жить будет!

– Ты родился в рубашке, – с облегчением вздохнул я.

– Не в ней дело, Тимирязев, – Байковский попытался приподняться. – Цыганка, помнишь? Меня убьет русский человек, не какой-то проклятый турок. Так что смерть сегодня проиграет! Ей меня не одолеть.

Неожиданно рядом остановился великан гренадер. Он взглянул на нас и, не успев сказать и слова, с силой вонзил в грудь Байковскому штык.

– Сапоги, Ваше благородие! – заорал он мне в ухо, перекрикивая взрывы гранат. – Они, нехристи, все прячут в сапогах! Там и ищите!

Вырвал оружие и побежал к воротам, оставив меня рядом с умирающим «нехристом». Разорвавшаяся недалеко граната вывела из оцепенения. Я кинулся осматривать рану.

На этот раз все было намного серьезней. Кровь лилась из пробитой груди Байковского, пузырилась, а воздух со свистом вылетал из раны при каждом тяжелом вздохе друга.

– Ах, стервец! Он спутал меня с турком! – попытался засмеяться Байковский. – Ну надо же!

– Рана неглубока, выживешь! – уверенности в моем голосе не было и в помине. И мой товарищ услышал это.

– Перестань, – охрипшим голосом произнес он. – Я не первый год на войне.

– Я вернулся с того света. И ты вернешься.

– Настырный ты, Тимирязев, – улыбнулся Байковский, отчего из уголка рта потекла кровь. – Я рискнул нынче вечером, и проиграл. Теперь умру, а ты, мой секундонт, верни часы графу.

Он сунул мне в ладонь золотые часы. Желание тут же избавиться от них было огромным, но в этот момент недалеко упала еще одна граната. Я бросился на грудь друга, прикрывая его от осколков. А когда поднялся, понял, что все кончено. Недвижимый, стеклянный взгляд Байковского был устремлен в светлеющее небо.

Цыганка не обманула. А мой друг, не раз участвуя в дуэли, впервые оказался повержен.

* * *

– Александр Федорович, – окликнул я графа.

Ланжерон стоял у стены и, не отрываясь, смотрел на бледное солнце. Оно медленно клонилось к закату, и лучи его отражались от темного Дуная. День выдался чертовски длинным, турки отчаянно сопротивлялись, но устоять не смогли. Ордукалеси – Армейская крепость, – пала. Но победа далась России дорогой ценой. Количество убитых, явно, перевалило за несколько сотен, а, возможно, и тысяч. Выжившие, в свою очередь, выглядели немногим лучше мертвецов.

– А, поручик, – устало произнес граф. Кровь коркой застыла на лице молодого француза – след от встречи с осколком гранаты. – Рад видеть. Как капитан Байковский?

– Просил откланяться. И передал вам это, – я протянул ему часы, золотая оправа которых была испачкана кровью моего друга.

Ланжерон безразлично взглянул на них и с горечью произнес:

– Мне очень жаль, поручик.

Но часы не взял.

– Капитан вернул бы вам их в любом случае. – Мне хотелось побыстрее закончить неприятный разговор.

– Я знаю, – граф с тоской вновь посмотрел на солнце, вздохнул. – Возьмите часы себе, поручик. Это вещь Байковского. А вы его лучший друг. Мне они больше не принадлежат. Извините.

Поклонился и, развернувшись, быстро пошел прочь.

Этот случай с дуэлью у Бросских ворот навсегда изменил мое отношение к картам, вину и цыганкам. За всю долгую жизнь я ни разу не играл. И тем более не пытался узнать, что ждет меня в будущем. Зато очень часто смотрел на золотые часы, испачканные кровью моего друга. Друга, уступившего в неравной схватке с самой смертью. Под Ордукалеси.

Историческая справка

Все лица, упомянутые в рассказе, не вымышлены. Совпадения не случайны.

Капитан армии Байковский погиб в битве под Измаилом, о чем указано в «Списке Генералитету, Штаб и Обер-Офицерам, убитым и раненым на штурме Измаильском». Там же упоминается отличившийся при штурме и раненый поручик армии Тимирязев.

Французские аристократы граф Ланжерон, герцог Фронсак, так же, как и австрийский принц, полковник Карл де Линь, участвовали в битве.

Вечер перед штурмом подробно описан в записках графа Ланжерона. Там же и рассказывается о глупой затее бросить жребий, чтобы выяснить, кто из собравшихся погибнет во время атаки. Правды ради, надо заметить, что никто из «смертников» (тех, кому выпал жребий) не пострадал. «Любовь к Отечеству», о которой упоминает капитан во время игры, всего лишь ассигнационный рубль, бывший в ходу в XVIII веке и имевший такую надпись.

О самом штурме можно найти очень много документов. Я опирался на один из них, составленный Генерального штаба полковником Н. Орловым и изданный в 1890 году. Взятие Бросских ворот происходило именно так, как я пытался показать. Единственную вольность я допустил в том, что вместо батальона Белорусских егерей вместе с Фанагорийским гренадерским полком в атаку у меня пошли Троицкие мушкетеры, которые на самом деле находились в другой колонне и атаковали в другом месте.

Случай же с русским солдатом, атакующим русского же офицера, так же упоминается в записках Ланжерона. В темноте солдат принял раненого за турка, которого хотят ограбить, и решил добить «нехрестя», так как тот шевелился. Если верить Ланжерону, офицер выжил после этой атаки, и даже не был ранен. Более того, им оказался сам генерал-майор Львов.

Единственным вымышленным героем в рассказе является цыганка, предсказавшая смерть Байковскому. Да и выдуманы у меня, по сути, только она, золотые часы да партия баккара. Но что поделать, жизнь – лучший автор и сценарист из всех имеющихся.

Март, 2012

Награда, или Эйлау

«Единорог» содрогнулся, выплюнул облачко дыма и откатился назад, оставив на рыхлом снегу глубокие борозды. Четвертьпудовое чугунное ядро по кривой дуге полетело в сторону серого, едва видимого в зимней мгле, города и, не дотянув совсем немного до синей грозной массы, которую представляли собой ряды французов, упало в сугроб. Вместо того чтобы срикошетить от земли и принести-таки в скопление солдат смерть и смятение, оно подняло лишь фонтан белого снега и комья грязи.

Артиллерийский расчет быстро подбежал к орудию и, чтобы вернуть его на место и откорректировать высоту дула, потянул за веревку, продетую в дельфины – скобы в виде единорогов, благодаря которым оно и получило свое название.

Грохот выстрелов заставил встрепенуться лошадь, что стояла чуть позади. Она забила копытом и испуганно опустила голову. Всадник, не спуская глаз с неприятельских позиций, натянул поводья и погладил животное по шее.

– Тише, друг.

Капитан Санкт-Петербургского драгунского полка Иван Тимирязев говорил негромко. Канонада центральной батареи перекрывала его с легкостью, но кричать не было нужды. Спокойным, уверенным голосом ему надлежало показать лошади, что он, человек, чувствует ее испуг, понимает, и будет рядом, пока эти чудовища не прекратят извергать гром и ядра. Сегодня ему необходим был верный, боевой напарник, которым для каждого кавалериста являлась лошадь. А это бедное, испуганное животное впервые видело битву и дрожало всем телом.

Тимирязев еще сильнее натянул поводья и с сожалением вздохнул, выпустив в морозный воздух облачко пара. Это была не его лошадь, место за батареей так же было чужим. И с самого рассвета драгун чувствовал, что это совсем не его день.

Если быть точным, то все в Польской кампании с самого начала было против капитана, а ночной разговор с генералом Беннигсеном и вовсе стал приговором. Отчасти справедливым, но не ставшим от этого более легким.

Перед глазами до сих пор стоял образ сурового генерала, с которым Тимирязев увиделся в Ауклаппене, небольшой деревушке неподалеку от Эйлау.

По случаю вызова к главнокомандующему, капитан бросил шинель в лагере и торопливо прошел до квартиры Беннигсена, как был, в одном мундире. Ни сильный мороз, ни ледяной ветер не смогли остудить пыл взволнованного драгуна. Да и переживать было от чего.

За всю долгую службу – а Тимирязев почти двадцать лет находился в непрерывных походах, – не случилось с ним такой оказии.

Не успели жерла пушек остыть после пекла Пултуска, как император повелел наградить большую часть офицеров и низших чинов за проявленное мужество. И Тимирязеву, волею судеб находящемуся в тот момент в Петербурге, было предписано доставить награды в расположение армии. А заодно и возглавить запасной полуэскадрон, коему надлежало покинуть место постоянной дислокации и соединиться с полком.

Казалось бы, что может быть проще? Проследовать с сотней великолепных драгун по следам многотысячной армии и передать генералу сундучок с наградами. За свою долгую военную карьеру Тимирязеву приходилось выполнять куда более сложные задания. Но, видимо, та легкость, с какой он нагонял полки, сыграла с ним злую шутку.

Тимирязев шел к Прейсиш-Эйлау по Кенигсберской дороге, и со дня на день рассчитывал быть в штабе. На его беду в один из вечеров зима решила напомнить о себе, и жуткая метель заставила драгун искать укрытие в придорожных деревушках.

Только после того, как всем его людям был найден теплый и сухой угол, капитан озаботился и о себе. На пару с подпоручиком Карповым, он подошел к домишке, окна которого уютно освещали пара свечей.

– Расседлай лошадей, – велел Тимирязев и поторопился к спасительному теплу растопленной печи.

Карпов не чурался работы. Как любой кавалерист, он предпочитал сам следить как за своим, так и за капитанским скакуном. К тому же, крестьянское прошлое брало верх над офицерским настоящим, и лучше Карпова для присмотра Тимирязеву было не сыскать.

Но не успел капитан отогреть замерзшие члены, как, распахнув двери и впустив внутрь снежный вихрь, в дом ворвался подпоручик, а в жизнь и карьеру Тимирязева – смута.

– Лепесток, ваше благородие!

Лепесток – трехлетний черный жеребец с белым характерным пятном на лбу, – был любимчиком Тимирязева. Малейшего движения коленом хватало, чтобы он сорвался с места в нужном всаднику направлении. А грохот пушек и свистящие ядра пугали его не больше хлопка ладошами какого-нибудь мальчишки из обоза. И теперь Лепесток исчез. Карпов снимал новый, выданный перед походом, розовый вальтрап со своей лошади, когда услышал за спиной приглушенный стук копыт. Жеребец капитана скрылся в снежной буре, и подпоручик даже не видел, человек ли тому был виной или неожиданный испуг Лепестка.

Верный конь ценнее пруссака-союзника, и Тимирязев, узнав о пропаже, почувствовал, как сердце упало в пустой желудок. Особо страшным было то, что сундучок с наградами остался пристегнут к луке седла, а значит, мечты о новом звании замело снегом, как и следы Лепестка, преследовать которого было бессмысленно.

Винить во всем несчастного Карпова Тимирязев не желал. К тому же он сознавал, что прежде самому надобно было позаботиться о сохранности ценного груза, а не надеяться на расторопность подпоручика и доброжелательность пруссаков.

Тимирязев поступил глупо, неблагонадежно, и от встречи с генералом ждал только худшего.

Беннигсен долго не обращал внимания на капитана, что вытянулся перед ним так, что по его прямой спине можно было отмерять ровность стен. С усталым видом он неторопливо выводил какие-то слова в журнале. Перо скрипело по бумаге, буквы валились по строчкам в разные стороны, словно солдаты в каре, раздираемом картечью. Дрожащее пламя свечи выхватывало из темноты не полководца, за чьей спиной стояли десятки тысяч штыков, а старика, плечи которого с трудом выносили тяготы командования.

– Знаете, что я сейчас пишу, капитан Тимирязев? – Беннигсен, наконец, отложил перо, и на стол соскользнула капля чернил, на что, впрочем, генерал обратил столько же внимания, сколько на красиво лежащий на плече капитана белый перьевой султан треуголки.

Заведомо уважительное обращение Беннигсена разительно отличалось от простого русского «ты», которое бросали при разговоре Суворов и Кутузов, и эта прусская вежливость пришлась не по нутру капитану. К тому же тихий голос генерала заставлял прислушиваться, а упустить помимо наград еще и какое-либо слово главнокомандующего Тимирязев позволить себе не мог.

– Никак нет, ваше превосходительство! – отчеканил он, еще более вытянувшись в струну, которой позавидовала бы испанская гитара.

– Сегодня утром казаки Платова поймали троих дезертиров. Суд был коротким, а приговор – безжалостным. Их расстреляли недалеко от места, где и схватили, – Беннигсен замолчал и уставился в писанину, словно забыл, о чем хотел сказать. После чего набожно перекрестился и продолжил. – Расстрел – мера крайняя, но вынужденная. Казнить приходится ежедневно, и все едино каждый день полки не досчитываются людей. Нынче вечером мы потеряли сбежавшими еще дюжину солдат, а всего за последнюю неделю – сто четыре. Сто, капитан, четыре! –

медленно повторил он, давая возможность Тимирязеву прочувствовать всю сложность ситуации. – Моральный дух войска низок как никогда. Мы находимся в чужой стране, Бонапарт преследует нас по пятам, еще и солдаты разбегаются, как вши от гребня. Помощи из России ждать не приходится, а его величество, словно в насмешку, присылает полуэскадрон драгун.

Слышать подобный эпитет в адрес родного полка было неприятно, но Тимирязев молчал, лишь небритый подбородок задрался еще выше.

– Награды его величества за ад Пултуска могли бы поднять дух войска, капитан. Ничто так не бодрит, как заботливое внимание императора.

Тимирязев понял, что генерал приступил к главному.

– Вам, капитан, была оказана высшая милость и доверена важная миссия, целью которой являлось сохранение армии.

Беннигсен суровым взглядом окинул стоявшего перед ним драгуна. Это был высокий, широкоплечий солдат, чьи виски уже посеребрила седина, а лицо украшали пышные кавалерийские усы и шрам на переносице. Мягкие лосиные панталоны и черный платок на шее указывали на неопрятность офицера, но, насколько генерал слышал о Тимирязеве, они были свидетельством того, что капитан в первую очередь заботится о солдатах, и только потом думает о себе.

– Я знаю о ваших подвигах, капитан, – вежливость пруссака начинала раздражать, но Тимирязеву оставалось только кивнуть в знак признательности. – Рымник, Измаил, Прага. Вам доверял сам Суворов, и император поступил так же. Но вы не оправдали его ожиданий. Более того, вы погубили армию.

Тимирязев не представлял, как можно уничтожить многотысячное войско за те несколько часов, что он был при штабе, однако перечить не имел права.

– Виноват, ваше превосходительство.

Беннигсен вновь взял перо, окунул в чернильницу.

– Кто-нибудь кроме вас повинен в пропаже наград?

Подпоручик Карпов в равной степени мог разделить с капитаном вину за содеянное, однако Тимирязев не имел привычки прятаться за чьей-либо спиной.

– Никак нет, ваше превосходительство.

Генерал одарил драгуна высокомерным взглядом из-под кустистых старческих бровей и склонился над бумагами.

– На рассвете предстоит баталия, – голос главнокомандующего опять стал едва слышен. – Санкт-Петербургский драгунский в полном составе, как и положено, будет стоять на левом фланге. Кроме вашего полуэскадрона. Вам, капитан, надлежит прикрывать центральную батарею Остен-Сакена. Не смогли приободрить людей монаршей благодарностью, делайте это собственным примером.

Перо закрипело по желтой бумаге, взору Тимирязева явилась проплешина на генеральском темени. Суд был окончен, и приговор – вынесен.

Сотне юнцов надлежало находиться в резерве и издали следить за ходом битвы. Понюшка порошу должна была быть легкой, такой, чтобы не раздражать неокрепшие легкие, и позволить постепенно привыкнуть к ужасам войны. Но усталый кивок головы генерала отправил их в самое пекло, на защиту центральной батареи.

Батареи, которая изрыгнула очередной залп в сторону французов.

– Прикажете отвести людей подальше от линии огня, ваше благородие?

Вопрос вывел Тимирязева из оцепенения. Оглянувшись, он увидел подпоручика Карпова и юного корнета Климова. Семнадцатилетний Климов впервые наблюдал сражение, и, как когда-то сам капитан, рвался показать себя. Он нетерпеливо дергал уздечку, заставляя лошадь топтаться на месте, сверкал взглядом и новой каской и то и дело поправлял на груди перевязь

с лядункой. Однако при всем рвении юноша понимал, что, пока орудуют пушки, кавалерия ожидает своей очереди.

Французское ядро упало в двух десятках шагов перед ближайшим единорогом, но снег опять не дал ему срикошетить.

– Для чего? – заметил волнение на лице корнета капитан.

– Подпоручик уверяет, что кровь очень трудно смывается с вальтрапов, – попытался пошутить Климов.

Тимирязев бросил укоризненный взгляд на Карпова, на что тот, словно извиняясь, пожал плечами.

– Не стоит. Главный противник в бою не ядро и не картечь, а штык и сабля. Больше всего солдат погибает в рукопашной схватке, Климов. А пушки только звучат громко, да застилают поле дымом. Поверь, скорее Наполеон наградит меня орденом Почетного легиона, чем всадника поразит ядро.

По лицу юноши скользнула улыбка, но плечи слегка дрогнули. То ли от внезапных криков одного из расчетов, в который таки угодил вражеский снаряд, оторвав ногу артиллеристу и повредив лафет единорога, то ли от резко выпавшего снега.

– Этого еще не хватало! – Карпов приправил возмущение крепким словечком и поднял воротник шинели.

Метель, и правда, разыгралась внезапно и не на шутку. Огромные хлопья снега скрывали даже русские орудия, не говоря уже о плотных рядах французов. Те исчезли за белой пеленой, и казалось, что перед драгунами лежит чистое поле без сорняков в виде синих мундиров и серых городских шпилей. Мороз, крепкий еще ночью, немного спал, однако Тимирязев все равно в очередной раз проверил, легко ли выходит палаш из ножен, не примерз ли к ним клинок.

– Этак не придется нам и сабли обнажить, ваше благородие, – Карпов заметил движение рукой капитана.

Тимирязев не ответил. Расслабленности подпоручика он не разделял, и метель лишь усилила его чувство тревоги.

Пушки умолкли – стрелять вслепую, только снаряды почем зря тратить. Солдаты воспользовались минутами затишья, чтобы пополнить запасы ядер и хоть как-то очистить место у лафетов от снега.

– Думаете, баталия продолжится, ваше благородие? – осмелился спросить юный Климов.

Тимирязев был в этом уверен. Наполеон слишком долго преследовал русскую армию, чтобы спасовать перед непогодой.

– Орудия к бою!

Внезапный крик у единорогов не дал капитану ответить. Как по команде стоявшие перед батареей Московский гренадерский и Шлиссельбургский полки расступились, освобождая пушкам место.

– Заряжай картечью!

Тимирязев до рези в глазах уставился в обрушившуюся с неба белую пелену снега и мгновение спустя понял причину оживления артиллеристов.

Из метели под самые дула пушек вынырнули стройные ряды французской пехоты. Солдаты, спрятав лица за засыпанными снегом воротами шинелей, брели по сугробам. Тимирязев увидел удивленные глаза молоденького офицера, никак не ожидавшего столкнуться нос к носу с готовой наградить порцией картечи русской батареей. Мороз не смог скрыть вмиг побледневшие щеки. Сабля взметнулась ввысь, и приказ уже готов был сорваться с уст, как металлический ливень накрыл незадачливый полк.

Кровь ярким фонтаном брызнула из груди офицера. Он сделал шаг, оступился, упал на колени, недоуменно посмотрел на жерла пушек и рухнул лицом в снег. Крики, проклятия и призывы к построению утонули в очередном залпе орудий.

Семь десятков пушек одновременно изрыгнули напищенные картечью снаряды, и полк превратился в месиво. Тимирязев заметил, как пошатнулся в ослабевших руках императорский орел, как вмиг он был перехвачен, и как храбрец тут же поплатился за смелость, выронив штандарт и отдав Богу душу.

Поле устлало горы трупов. Солдаты в панике ждали приказов, офицеры пытались выстроить их в линию, чтобы не быть настолько уязвимыми, но картечь, казалось, настигала повсюду. Русские единороги устроили французам ад. Снег под ногами быстро превратился в грязную кровавую жижу, полную стонов и предсмертных криков раненых.

Жуткое зрелище скрывал дым от выстрелов, но даже он не смог спрятать серо-розовую волну, что накатила на обреченную французскую пехоту.

– Драгуны, – узнал Тимирязев цвета Московского драгунского полка, который бросился добивать врага.

Увидели приближающуюся опасность и французы. Сквозь выстрелы донеслись приказы построиться в каре – единственный способ защиты от атаки кавалерии. Годы кампаний не прошли даром, и солдаты торопливо выполнили требования офицеров.

Четвертьпудовое ядро тут же прошило каре насквозь, разметав людей в стороны и добавив паники в ряды французов. Но перестраиваться в линию было не с руки – пушки не будут бить по своим, и потому каждый солдат надеялся, что следующее ядро будет последним и пронзит каре в любом другом месте, но не там, где стоит он.

Орел между тем вновь едва не упал, и к израненному солдату, не обращая внимания на шквал картечи, прорвался всадник. Он с силой выхватил штандарт и, прокричав какие-то распоряжения, направил лошадь к Эйлау. Орел мелькнул крыльями, а Тимирязев обнажил длинный палаш – смазанные пятки француза, что псу запах текущей сучки.

– За мной!

Капитан даже не обернулся, чтобы убедиться, следуют ли за ним его драгуны. Те, даром, что молоды, с гиканьем, точно «дьявольские» казаки Платова, которых уважал сам Наполеон, пришпорили лошадей.

Пара каре, изрядно потрепанных пушками, встретила кавалерию залпом ружей. Густое облачко дыма окутало солдат, и Тимирязев почувствовал горячую струю воздуха у виска – пуля, лизнув каску, пролетела мимо. За спиной раздался крик боли и лошадиное ржание. Первый ряд в каре меж тем встал на колени, освобождая место для стрельбы второму. Капитан не дал времени французам, тяжелый клинок с легкостью перерубил чье-то плечо, лошадь не заметила человека на своем пути, врезавшись копытом в грудь, и предсмертное проклятие осталось позади.

Драгуны прошили каре насквозь, кровь, словно ягоды рябины, украсила снег, но Тимирязев не стал вместе с эскадроном добивать врага. Он видел перед собой только спину беглеца и крылья императорского орла.

Лошади с трудом скакали по глубокому снегу, дыхание с хрипом вырывалось в морозный воздух. Впереди уже четко проглядывали крыши домов Эйлау и кресты городского кладбища, у которого засуетились французские стрелки, но всадников разделяло уже не больше пары корпусов.

За спиной послышался свист – похоже, юные драгуны следовали за своим капитаном. Тимирязев занес над головой беглеца палаш, и в этот момент с правого фланга раздался пушечный залп, а ряд стрелцов впереди окутался дымом из ружейных стволов.

Скакун француза оступился и на полном ходу рухнул в снег, придавив собой ногу всаднику.

Радостный крик готов был сорваться с губ капитана, как его собственная лошадь нырнула головой вниз, словно угодила копытом в кроличью нору, и Тимирязев, едва успев освободиться от стремян, перелетел через ее голову.

Снег смягчил падение, и мгновение спустя капитан уже пытался встать. В ушах шумело, из разбитого носа текла кровь, но руки-ноги были целы, а ладонь грел эфес палаша.

Француз по-прежнему лежал, сжимая орла и не спуская глаз с приближающегося драгуна. Его конь бил копытом и жалобно ржал.

Тимирязев шатался, но клинок держал уверенно, и в глазах француза мелькнул страх, когда палаш застыл в дюйме от его лица.

Мимо проскакала лошадь с пустым седлом и забрызганным кровью вальтрапом. Белое пятно на задней ноге животного показалось знакомым, и сквозь шум в голове капитан понял, что, как ни удивлялся он возможной смерти всадника от ядра пушки, корнет Климов ее не избежал. За обезумевшей от страха лошадью показались ряды легкой французской кавалерии, от кладбища под Эйлау бежали десятки синих мундиров, а крики и свист драгун за спиной смолкли. Тимирязев остался один, но перед ним был поверженный орел, и отступить он не собирался.

Тимирязев вновь посмотрел на лежащего француза. Осталось сделать легкое движение рукой, чтобы покончить со всей этой историей. Он приставил лезвие к груди офицера, но в этот момент вновь раздалось ржание раненого коня и судорожный удар копытом. Капитан бросил беглый взгляд на несчастное животное, и рука невольно дрогнула.

– Лепесток, – характерное пятно на лбу было перепачкано кровью, но он все равно узнал его.

Конь, похоже, тоже понял, что перед ним хозяин, потому как попытался встать, но ноги подкосились, и он всем весом вновь упал на француза. Тот сжал зубы, однако не произнес ни звука.

Тимирязев опустил палаш. Его верный Лепесток мучился перед смертью, и он не мог равнодушно смотреть на это. В снегу рядом с французом лежал пистолет, и капитан поднял его. После чего присел у морды коня и дрожащей рукой погладил. Лепесток замер и преданно заглянул ему в глаза.

По щеке драгуна потекла слеза.

– Прости, – прошептал Тимирязев, и в тишине, на миг опустившейся на поле битвы, раздался выстрел.

* * *

Сражение закончилось ничем. Французы и русские остались на своих позициях, ни на шаг не продвинувшись за время баталии. Тысячи жизней были принесены в жертву пустоте.

Тимирязев выдохнул в воздух облачко пара. Палаш висел на боку и бился о ногу при каждом шаге, которыми он мерил двор у одного из домов, однако он был пленником. Орла захватить так и не удалось, вслед за выстрелом в ухо Лепестку нагрянули гусары Мюрата. Бежать или отбиваться можно было бы с тем же успехом, как и переплыть океан. Он дал честное слово не пытаться улизнуть, и при нем оставили оружие. И все же он был пленником.

– Капитан.

К нему подошел офицер, и при свете уличного фонаря Тимирязев узнал в нем беглеца, жизнь которого нынче днем он едва не отобрал.

– Император очень хотел с вами встретиться, – сказал француз, – но вы сами понимаете, после событий дня...

Он неловко улыбнулся, словно приносил извинения. Тимирязев кивнул, отлично понимая, что Наполеон так же жаждал его увидеть, как и сбежать с поля боя.

– Марбо, – произнес француз после непродолжительного молчания. – Меня зовут Марбо, – пояснил он, заметив удивленный взгляд драгуна.

– Тимирязев, – представился капитан, и Марбо засиял не меньше луны, услышав от пленного родную речь. – Капитан Санкт-Петербургского драгунского полка Тимирязев.

– Меня тоже произвели в капитаны сегодня вечером.

Тимирязев не понимал, для чего француз ему это говорит. Скорее потому, что тот не знал, как сказать то, что требуется. И все же он с некоторой завистью посмотрел на этого юнца, получившего звание, к которому сам драгун шел много лет.

– Вы свободны, капитан Тимирязев, – заметил Марбо таким тоном, словно говорил о приглашении на ужин.

– Что?

– Русские отступают, – пояснил он, и торопливо добавил: – Император вновь победил, но сегодня погибло много людей. Слишком много для одного дня, и ему не нужны еще жертвы. К тому же Его величество пленила ваша доблесть, ведь вы едва не вторглись в его штаб. И он просил передать вам это.

Марбо протянул небольшой деревянный футляр. Тимирязев решительно отверг руку француза.

– Берите, – тот был настойчив. – Это не деньги.

Когда драгун сел в седло коня, предложенного ему услужливым Марбо, и посмотрел в сторону дороги на Кенигсберг, рука француза легла на сбрую.

– Тот конь, у кладбища, – в голосе Марбо слышалась дрожь, и Тимирязев понял, что именно об этом юноша и хотел спросить.

– Лепесток?

– Да. Только вчера мы захватили его у дезертиров. Я и не мог подумать... Это был ваш конь?

– Это был мой друг.

Было далеко за полночь, когда Тимирязев наконец решил остановиться и взглянуть, что же лежало в подаренном ему французским императором футляре. Свет луны был неярким – на небо вновь набежали снеговые тучи, – и все же его оказалось достаточно, чтобы озарить дар и горькую усмешку драгуна.

На дне футляра лежала пятиконечная звезда с красной лентой.

Орден Почетного легиона.

Историческая справка

Сражение в морозном январе 1807 года под Прейсиш-Эйлау вошло в историю, как одно из самых кровавых в эпоху всех наполеоновских войн. Сражение, которое, как и говорилось, было для обеих сторон совершенно бессмысленным. И французы, и русские оказались настолько истощены боями, что продолжать сражаться на следующий день, не было сил ни у кого. Генерал Беннигсен приказал отступить, что позволило Наполеону приписать себе победу. Но вся Европа все же увидела, что непобедимому доньне Бонапарту можно дать отпор, и даже больше, не отступить ни на шаг от позиций, занимаемых до начала баталии.

Что касается самого сражения, то, как и описано, пушками и кавалерией был практически полностью уничтожен 14-й линейный полк французской пехоты, а сам Наполеон едва не схвачен в своем штабе, что находился на городском кладбище под Эйлау. Русские войска с таким воодушевлением преследовали бегущих французов, что только в последний момент атака кавалерии Мюрата спасла императора, а сам Наполеон, видя грозных русских, воскликнул: «Какая отвага!»

Во время работы с рассказом я пользовался такими книгами, как «Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806—1807» Михайловского-Данилевского и «Записки графа Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года», опубликованные Марковым в 1900 году. Ну а история с пропавшими наградами по пути в штаб, каюсь, подсмотрена в воспоминаниях суворовского солдата, которые опубликовал Охлябин С. в своей книге «Повседневная жизнь русской армии во времена суворовских войн». Правды ради скажу, что случилось это не под Прейсиш-Эйлау, но кто знает, не могло ли подобное произойти и в далеком 1807 году тоже?

июнь, 2016

Красивая сказка, или Не каждому дано

Полковник Лашэз был крайне раздражен. Зуб болел третий день, не переставая. Ныл, пульсировал, заставлял забыть о сне и еде. Не давал ни минуты покоя. Потому гнев закипал мгновенно, и зачастую, беспричинно. Его злило все: теплые сентябрьские дни, прохладные вечера, промозглые ночи. Россия – проклятая, забытая Богом, страна, не стоящая и капли императорского внимания. Здесь ужасные дороги, непроходимые леса, дикие звери, такие же дикие люди.

Но, при всех своих недостатках, она имеет все же ощутимые достоинства. О них полковник узнал совсем недавно, перед отправкой его Далматского полка вглубь охваченной войной страны. Узнал от самого императора, в беседе с глазу на глаз.

Наполеон всегда трепетно относился ко всему мистическому, и тайна, окутавшая Россию и Москву, не могла оставить его равнодушным. Когда император посвящал полковника в задуманные планы, глаза его горели лихорадочным блеском, а руки дрожали. Но Лашэз был не таким впечатлительным и, выслушав жаркие речи, заверил взволнованного Бонапарта, что задание можно считать уже выполненным.

Цель, которую предстояло достичь полковнику, находилась под захваченной Москвой, и с усердием, с молодых лет присущим ему, Лашэз взялся за дело. Пехотная бригада, возглавляемая полковником лично, пробираясь через леса, медленно, но верно двигалась по намеченному маршруту. Пока не добралась до небольшой деревеньки Свинухово. Она, конечно, была легко захвачена, но именно в этом месте французам стали сильно надоедать партизаны. Крестьяне, отчего-то решив, что могут воевать, были так же настойчивы, как комары ночью. Кажется, махнешь рукой, и нет их! Но стоит успокоиться, а они тут как тут! Приходилось всегда быть начеку, ожидать удара в любой момент. Это раздражало полковника, злило. В добавок ко всему у него жутко разболелся чертов зуб!

Боль была настолько сильной, что Лашэз отставил в сторону тарелку с аппетитной куриной ножкой, запеченной на ужин.

– Проклятье! – полковник постучал пальцем по гладко выбритой щеке, скривился и осушил бокал вина в надежде, что напиток поможет ему избавиться от недуга.

Надежда умерла вместе со стуком в дверь, будто молотом ударившим по воспаленному нерву.

– Полковник, – молоденький ординарец заглянул в комнату. – Пленный. Он готов говорить.

Лашэз кивнул, накинул на сутулые плечи зеленый мундир и вышел во двор. Боль болью, но император ждет отчета отнюдь не о гнилом зубе.

Изба, отведенная для полковника, принадлежала деревенскому попу и располагалась у самых стен маленькой церквушки. Таких крохотных Храмов Господа французу еще не приходилось видеть! Сложенная из дерева, без единого камня, она была едва ли на полголовы выше низкорослого Лашэза. А некое подобие креста на куполе вызывало лишь усмешку, но никак не трепет.

Почти у входа в церковь французы вкопали два столба, а к прибитой сверху перекладине подвесили за руки полубнаженного человека. В свете костра, разведенного неподалеку, хорошо было видно, как его худое окровавленное тело тряслось от боли и страха. Что ж, солдаты славно потрудились, и расспросить замученного пленного Лашэзу не составит никакого труда.

Полковник коротко бросил приказ оставить их одних и повернулся к висящему человеку.

– Parlez-vous francais?

Пленный поднял голову и попытался улыбнуться разбитыми губами.

– Господь с вами! Не понимаю я по-вашему.

«Дикарь», – подумал Лашэз и внимательно посмотрел на худое, обрамленное скудной бородкой, лицо русского. На вид тому было лет сорок. Слишком молод для столь важной миссии, которой, по всей видимости, наделила его церковь. Но именно на этого служителя Бога указали замученные ранее попы.

– Неделю назад в Колоцком монастыре нами был захвачен шпион, – медленно выговорил по-русски Лашэз. – Им оказался священник, такой же, как и ты.

– Не поп я. Дьячок, – устало произнес пленный, будто это враз избавило бы его от мучений. Однако полковник и бровью не повел.

– У меня было много вопросов к нему, – продолжил он, – и священник оказался столь любезен, что ответил на все. Он назвал несколько имен. Указал на людей, которых стоит опасаться. Среди них значился некий Василий Рагузин. Дьячок.

Пленный обреченно опустил голову.

– Этот дьячок ходит из деревни в деревню, из церкви в церковь. Благое дело, и я уважаю таких людей. Но в то же время он следит за передвижениями французской армии, за численностью отрядов. И передает все партизанам. А вот таких людей я ненавижу! И вешаю на ближайшем дереве! – Лицо полковника исказила гримаса ненависти, однако, он через секунду овладел собой и спокойным тоном сказал: – В благодарность за сведения, священник был убит быстро. Пуля в лоб, и он оказался рядом с создателем. Тебе, Василий, о такой смерти остается только мечтать. Ты будешь умирать долго, мучительно долго. Дойдет до того, что ты станешь умолять меня закончить страдания. Пристрелить, зарезать, повесить. Все, что угодно, лишь бы не испытывать более жуткую боль, которую будут причинять тебе мои парни, мастера в этом деле. И, может быть, я сжалюсь. И кто знает, возможно, даже оставлю тебя в живых? Просто расскажи мне, все, что знаешь, и я сменю гнев на милость.

– Я ничего не ведаю, – отрешенно проговорил пленный дьячок, – ничего.

– Мне не нужны имена, – скривился от новой волны зубной боли Лашэз. – Я и так знаю достаточно.

– Тогда – что?

Полковник вплотную подошел к Рагузину.

– Фоминское... Коломна...

Дьячок непонимающе поднял брови.

– Серпухов... Дмитров...

– О чем вы?

Не отвечая, Лашэз продолжил перечислять названия городов:

– Тула... Верея...

– Господь с вами, не понимаю.

– Волоколамск...

В глазах Рагузина вспыхнул беспокойный огонек.

– Не мне тебе объяснять, Василий, что это означает. Несколько русских городов владеют сокровищем, и в каждый из них сейчас направлены войска. Я иду к Волоколамску, и ничто не помешает мне его захватить, так же, как императору Москву!

– Не ведаю, Бог – свидетель! – отчаянно замотал головой дьячок. – О каких сокровищах вы говорите?

– Не о золоте, – вспышка боли заставила Лашэза дотронуться до щеки, – и не о драгоценностях. Мне нужен камень.

– Господь с вами! Какой еще камень? – криво улыбнулся Рагузин, однако, не смог скрыть дрожь в голосе.

– Камень, Василий. Или Отец Камней, если так удобней, – Лашэз не без удовольствия заметил, что пленный растерян. – Ты знаешь, о чем я говорю. И отведешь меня к нему. Тогда я оставлю тебя в живых.

Дьячок испуганно взглянул на полковника. «Не может быть, что многовековая тайна стала известна французу! Это невозможно!» Но уверенный вид Лашэза говорил об обратном.

– А нужна ли мне будет жизнь после этого? – голова дьячка упала на грудь.

– А нужна ли будет жизнь четырём десяткам жителей этого села? – в голосе полковника послышались железные нотки. – Они сгорят. В этой самой церкви. На твоих глазах. Если ты не дашь мне то, что я прошу!

Дьячок зажмурился, застонал.

– Прости, Господи, прости, – зашептал он, – не по своей воле сие творю...

– Где он находится? – продолжал наседать француз.

– Волоколамский уезд, – от бессилия по щекам Рагузина побежали слезы, – село Рюховское.

Несмотря на зубную боль, лицо полковника озарила улыбка. Он добился своего!

– Отлично! Выдвигаемся сейчас же.

* * *

Село Рюховское пустовало уже несколько недель, и Лашэз знал об этом – французские шпионы так же хороши, как и русские. Крестьяне, напуганные близостью неприятеля, ушли в лес, и полковник, полагая, что опасаться нечего, решил взять с собой три десятка солдат. В этот момент главным для него была скорость, а пехотная бригада в полном составе не могла ее обеспечить.

Отряд двигался быстро. Настолько быстро, насколько позволял с трудом волочивший ноги дьячок. Он то и дело шептал молитвы, целовал крест, который ему вернули вместе с рясой, и просил прощения у Господа за то, что ему приходится делать. Когда полковнику вконец это надоело, он приказал посадить пленного на собственную лошадь, а сам пошел рядом, ведя ее за поводья и надеясь разговорами отвлечь Рагузина. И скорость увеличится, и нытье прекратится. Как говорят в России – убил двух зайцев одним выстрелом.

– Камень. Расскажи мне о нем.

Ответом полковнику были лишь обрывки «Отче наш».

– Уже много веков никто не может захватить Московское царство, – прервал молитву Лашэз. – Попытки были. И не одна. Но все они проваливались. Даже если кто-то входил в Москву, то очень быстро, поджав хвост, убирался оттуда. В чем причина? Армия? Оружие? У русских они никогда не были на высоте. Тогда что?

– На все воля Божья, – Рагузин поднял глаза к небу и перекрестился.

Боль, будто иглой, пронзила зуб, полковник сморщился и, с минуту помолчав, продолжил:

– Существует легенда, Василий. Если верить ей, в стенах нескольких городов, на границах Московского царства, заложены осколки чудо-камня. Отца Камней, как его называют. Он защищает эту землю от войн, набегов, захватчиков. И куда будет лежать в отведенных ему местах, Россию не победить.

Дьячок вновь размахисто перекрестился.

– Красивая сказка, не более, – непринужденно заметил француз. – Но русские упорно в нее верят. Почему?

– Человек без веры слаб и уязвим, – назидательно произнес Рагузин. – В тяжелое время ею только и живем. Да и верим то мы лишь в Господа нашего и царя-батюшку. Да еще в сказку.

– Верь хоть в тысячу легенд и сказок, это не поможет тебе одолеть вымуштрованную армию. Однако, Московия по-прежнему непобедима. Что ж еще дает этот камень?

– Силу. Крепость духа. Надежду. Камень сей – оберег Руси.

– Оберег? – полковник усмехнулся. – Этот оберег скоро окажется в руках императора, и Россия будет повержена!

– Не все так просто, – дьячок поднял голову. Утро брало свое, небо серело, и впереди, над деревьями, показался крест, венчающий церковь Рюховского села. – Есть одно «но»...

Лашэз пропустил слова Рагузина мимо ушей. Он тоже увидел, что цель близка, и, хоть не верил в сверхъестественное, невольно вздрогнул.

– Никаких «но»! – быстро овладев собой, сказал полковник, и отряд вошел в пустое село.

Рюховское на деле оказалось еще меньше, чем Свинухово. Глаз легко охватывал нестройные ряды домов. В другой ситуации эти убогие два-три десятка хижин вряд ли удостоились бы внимания французской армии. Здесь и фуражом то не разживешься! Но Лашэз пришел сюда не за провизией.

Первым делом он приказал осмотреть каждый угол и занять наиболее удобные места для обороны. Путь хоть и прошел без проволочек, кто знает, нет ли поблизости партизан? Сам же кивнул ординарцу следовать за собой и обратился к Рагузину:

– Веди!

Церковь, сложенная из белого камня, светлым пятном выделялась на фоне темных деревянных избышек. Это было не то жалкое строение, что предстало его взору в Свинухово. Толстые стены, узкие окна – здание больше походило на крепость, а не на дом Господа. Крест, возвышаясь над деревьями, упирался в небо. Под ним француз к своему удивлению заметил колокол.

Рагузин перекрестился и вошел в церковь. Лашэз с ординарцем не отставали.

Первое, что бросилось в глаза полковнику – скромное убранство. Деревянный иконостас, где среди множества «местных» святых Спаситель встречался всего пару раз. Большой крест, перевязанный полотенцами. Десятка два зажженных свечей, тускло освещающие пространство. При всем желании разжиться здесь не удастся. Как бы еще самому милостыню не подать!

Раздумья Лашэза прервали причитания, с которыми к ним навстречу выскочил невысокий пономарь. Он славил Господа за возвращение Рагузина, чуть не плача от вида замученного дьячка, и взмахивал при этом руками так часто, словно собирался взлететь.

– Григорий, все в порядке, – попытался успокоить его пленный и направился к маленькой дверце в углу здания, – оставь нас.

Пономарь, нехотя, отошел в сторону.

– Даст Бог, сгинут в наших подвалах мерзкие французишки! – произнес он в спину офицеру.

– Мы поговорим об этом, когда я вернусь, – сказал по-русски Лашэз и улыбнулся, заметив, как Григорий испуганно засеменил к лестнице, ведущей к колоколу.

Между тем Рагузин открыл дверцу и скрылся в темном коридоре.

– Может, возьмем свечу? – спросил полковник.

– Господь с вами, мне известен каждый камень в этих подвалах, – дьячок даже не обернулся. – Но если вас смущает тьма, берите.

Лашэз мысленно выругался и последовал за пленным. Сперва он почувствовал себя слепым кротом, и шел только на звук шагов, но постепенно глаза привыкали к темноте, и все отчетливей выступала впереди спина дьячка.

– Долго еще? – нетерпеливо спросил француз.

Рагузин остановился.

– Пришли...

Он опустился на колени, и до слуха Лашэза донеслось нудное бормотание. Дьячок удумал молиться! Самое время!

Зуб вновь заныл, словно испугавшись липкой темноты и холода, идущего от стен. Ярость стала овладевать полковником. Его злила пустая деревяня, узкие коридоры, испуганный пономарь, бьющий поклоны дьячок.

– Где он? – прервал француз молитву. – Где Отец камней?

Рагузин, не отвечая, прислонился ладонями к стене.

– Он? Это он?

Все так же молча, дьячок прикоснулся лбом к камню, не удосужившись убрать с него паутину.

– Говори, чертов монах! – Лашэза била дрожь, и он даже не мог сказать, что было этому причиной – неутихающая зубная боль или близость священного камня.

– Я предупреждал, что не так просто добраться до берега, – проговорил пленный. – Вы же меня слушать не захотели...

В этот момент колокольный звон потряс стены церкви, заглушив слова дьячка. Темный коридор, казалось, задрожал, и полковник встревоженно поднял голову, словно сквозь камень мог рассмотреть пономаря, решившего потянуть язык колокола.

Тут же Рагузин вскочил, сорвал с груди веревку с крестом и накинул на шею Лашэзу. Все произошло настолько быстро, что француз не успел пальцем пошевелить, как сам уже оказался пленником. Рука потянулась к сабле, но веревка еще ту же натянулась.

– Даже не пытайтесь, – прошипел на ухо дьячок. – И положите оружие на землю.

– Ты все равно не убьешь меня, Василий.

Клинок прозвенел, ударившись о каменный пол.

– Господь с вами! – покорности в голосе Рагузина теперь не было и в помине. – Вы сгниете в этих подвалах, и никто так и не узнает, где лежит труп. Я замолю грехи и уж как-нибудь переживу это. А сейчас скажите-ка вашему офицеру, чтобы покинул церковь, а солдаты пусть и не надеются взять нас приступом. И тогда, возможно, вы останетесь живы.

Полковник обратился по-французски к ординарцу, и тот опрометью кинулся к выходу.

– Что дальше, Василий? – Лашэз сомневался, что дьячок выполнит угрозу, тридцать стволов во дворе внушали оптимизм, и поэтому в голосе его сквозила насмешка. – На что ты надеешься?

– Дальше? – Рагузин подтолкнул француза в спину, заставляя покинуть коридор. – Дальше будем верить, полковник.

– Верить? В Господа? Или в царя-батюшку?

– В сказку...

* * *

Лашэз, едва выйдя из темного коридора, быстрым взглядом окинул помещение. Опытный военный, он сразу попытался найти выход из ловушки, в которую попал. Ординарца уже и след простыл, массивные двери захлопнуты. У окон, больше похожих на бойницы, лежали ружья и мешочки с пулями. К своему удивлению, полковник признал неразлучных спутниц любого французского солдата – гладкоствольные кремневые мушкеты.

Рагузин посадил пленного в угол. Связывать ему руки дьячок не стал.

– Мне достаточно вашего слова, – объяснил он, и Лашэзу ничего не оставалось, как пообещать не пытаться бежать.

Вынужденный бездействовать, полковник решил возобновить беседу.

– Откуда у вас эти ружья?

– Подарок французской пехоты, – улыбнулся Рагузин и подошел к окну.

Взяв мушкет, он уверенными движениями зарядил его: надкусил бумажный патрон, высыпал порох в ствол, загнал шомполом свинцовую пулю, которую тут же заткнул пыжом, следом насыпал на полку пороху, взвел курок и положил ружье на пол. Времени на все у дьячка ушло не больше, чем понадобилось бы солдату, прошедшему не одну кампанию и видевшему десятки баталлий.

– Где вы этому научились? – спросил изумленный Лашэз.

– Хорошие наставники были, – хитро взглянул на пленного Рагузин. – До сих пор с ними вижу едва ли не каждый день. Григорий, – обратился он к пономарю, – помоги мне. И полчаса не пройдет, как у нас будут гости, – и с этими словами принялся заряжать второе ружье.

– Василий, – смех полковника разнесся по стенам церкви, – ты не перестаешь удивлять! А я то, глупец, думал, что кроме ординарца меня никто не поймет. Значит, вот так ты не владеешь французским? – приказ атаковать через несколько минут, отданный молодому офицеру, как оказалось, не был секретом.

– Грешен, каюсь, – дьячок старательно заталкивал шомполом пулю в очередной ствол. – Пришлось подучить. Жизнь заставила.

Григорий, между тем, с усердием разрывал зубами бумажные патроны и то и дело поглядывал в окна.

– Подбираются, окружить хотят, стервецы. Прости, Господи! – он поспешно перекрестил испачканный порохом рот.

– Вы, в самом деле, надеетесь вдвоем отстоять церковь? – Лашэз дотронулся до щеки, успокаивая воспаленный нерв.

– Не вдвоем, – странная улыбка вновь озарила лицо Рагузина, – с Божьей помощью!

– И только? А как же камень?

– Всему свое время.

– Кстати, это и правда, был он? Отец Камней?

Вместо ответа дьячок подошел к иконостасу, опустил на колени и начал горячо молиться. В который раз француз подивился умению русского священника обращаться к Богу в самый неподходящий момент. Рагузин, будто нарочно, избегал разговора о камне, ходил вокруг да около. К тому же три десятка стволов готовы были обрушить на церковь шквал огня, а он стоял на коленях!

– А вот и гости! – пономарь осенил себя крестным знаменем. – Упокой, Господь, их грешные души!

В этот момент со двора раздался треск ружейных выстрелов. Григорий пригнулся. Пули дождем осыпали стены, наиболее проворные проскочили в створ окон и попали в деревянный иконостас. Щепки, словно снегом, укрыли голову дьячка. Однако, это не помешало ему закончить молитву. И только отвесив глубокий поклон Создателю, Рагузин встал.

– ... и рассею их между народами, которых не знали ни они, ни отцы их... – услышал Лашэз слова дьячка, который взял с пола ружье, быстро прицелился и выстрелил.

Облачко дыма на миг окутало Рагузина, но тот, не обращая на него внимания, послал еще одну пулю в атакующих французов. Послышался крик боли, и в ответ по окну был дан залп, но дьячок стоял уже у другой «бойницы» с очередным ружьем у плеча. Пономарь сыпал порох в один ствол за другим, стараясь поспеть за скорострельным Василием.

– ... и пошлю вслед их меч, доколе не истреблю их...

Шальная пуля срикошетила от камня, вонзилась в стену у самой головы Лашэза. Офицер присел, схватился за зуб, который, видимо, решил доконать его, отвечая резкой болью на каждый выстрел.

– Проклятье! – прорычал он, забывая, что находится в церкви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.